

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Рай. Песнь четырнадцатая

[236]

ил 5/2019

Перевод, вступление и комментарии Ольги Седаковой

Действие Четырнадцатой песни разворачивается в двух небесах: в Небе Солнца (завершая беседы с мудрецами, которые начались еще в Десятой песни) — и в Небе Марса (начиная важнейшую автобиографическую тему поэмы, которая продлится до середины Восемнадцатой песни: я имею в виду встречу Данте с его предком, рыцарем Каччагвидой, погибшим в крестовом походе, прорицание Каччагвиды о будущих бедах и о славе Данте и благословение на великий труд).

Все небеса “Рая” исполнены динамикой. Но у каждого из них своя скорость, свой ритм, свой характер движения. Данте как будто подбирает земные подобию для двух этих динамик, солнечной и марсианской. Это природные феномены, образы, которые завораживают нас с раннего детства: концентрическое движение волн в круглой чаше (в Небе Солнца) и беспорядочное движение частиц пыли в солнечном луче, который пробивается сквозь щель (в Небе Марса). Геометрическая тема Неба Солнца — круг; Неба Марса — крест, сложенный из созвездий. Крест, вписанный в круг красноватой планеты.

В первой части Песни, в Небе Солнца, разрешается один из вопросов, которые более всего волновали Данте. Воскрешение в теле — как оно произойдет? Как смогут воскресшие телесными глазами видеть друг друга сквозь непроницаемое сияние, которым окружены души в Раю? Можно вспомнить, что вера в общее воскресение во плоти с самого начала решительно отличала христиан от всех современных им религиозных движений. С ходом веков об этом думали все меньше, и заботой “статистического” христианина стало спасение души, “вещи бессмертной”. Что до плоти, с ней требовалось бороться до конца земной жизни. Можно предположить, что уже во времена Данте его горячий интерес к воскресению во плоти многим должен был казаться странным. Ничего похо-

жего на это мы не увидим и у Боэция, чье влияние в Третьей кантике очень значительно. В “Утешении философией” мы не найдем на эту тему ничего, кроме вполне традиционно античного представления о посмертном освобождении души из тюрьмы смертного тела. А дантовские блаженные души в небесах вспоминают о своих оставленных телах и скучают по ним! В этом — как и в некоторых других моментах и, главное, в своем эсхатологизме — Данте удивительным образом близок раннему христианству. Как и почему возникла такая близость, вероятно, нам понять не удастся.

Ответ на вопрос Данте (о воскресшем теле) поручен в нашей Песни Царю Соломону. Его “смиранный голос” Данте осторожно, в форме предположения сравнивает с голосом Архангела Гавриила (“может быть, таким голосом ангел говорил с Марией”). Память о Благовещении возникает неслучайно: воскресение человека во плоти для Данте прямо обусловлено воплощением и вочеловечением Бога — а именно эта тайна ему важнее всего. Ему нужно “увидеть, как соединяется наша природа и божество”. Он говорит об этом в самом начале “Рая”. Исполнением этого его желания и завершается “Рай”, да и вся “святая поэма”.

Слова Царя Соломона звучат как своего рода новое Благовещение. Он избран для этой роли, вероятно, потому что почитался автором “Песни Песней”, которая — в толковании христианских экзегетов — воспевает соединение Бога и человека. В кратком пересказе речь Соломона такова: человек в своем воскресшем теле будет еще дороже Богу, потому что теперь он целиком отвечает замыслу о себе: воскресшее тело будет сиять ярче, чем сияние святости, окружающее души, и потому оно будет видно сквозь него. Чувства воскресшего и вновь бессмертного тела будут другими, они смогут воспринимать все, что приносит радость. Некоторое представление о том, какими будут преображенные чувства, можно получить по тому, что происходит со зрением Данте в Эмпирее. После мгновенной слепоты у Данте открывается новое зрение: оно может теперь вынести свет любой силы; оно освобождается от зрительных иллюзий — и, что еще интереснее, его сила становится абсолютно равномерной, для него больше нет дали и близи:

Presso e lontano, li, ne' pon ne' leva —

Даль и близь здесь ничего не прибавляют и не отнимают (Par. XXX, 121)

Данте совершенно уверен в том, что человеческое тело задумано и сотворено как бессмертное, но на этом мы здесь не будем задерживаться: это был бы комментарий к Седьмой песни. Но самое удивительное в дантовском образе воскресения во плоти то, о чем не сказал ни один из богословов: тело нужно не столько самим душам Рая (когда они по нему скучают), но тем, кого они любили,

прежде чем стали вечными огнями.

Это им, *другим* необходим телесный облик любимого человека; “вечными огнями” они не удовлетворятся. Так сам Данте не может сдержать своего желания разглядеть внутри сияний “настоящий” облик своих собеседников: святого Бенедикта, апостола Иоанна... На это удивительное предположение Данте (о том, что плоть человека воскресает ради других людей) в своих ранних богословски-философских трудах обратил внимание М. М. Бахтин. Утверждая, что “пластическое тело” принадлежит не “мне”, а “другому”, Бахтин ссылается на эти стихи “Рая”.

Это первая, богословская вершина Четырнадцатой песни. Ее вторая, визионерская вершина, уже в небе Марса, — видение Креста, составленного из душ тех, кто отдал жизнь за Христа, мучеников и воинов за веру. Совершив внутреннее молчаливое всеожжение, Данте видит, как в звездном небе собирается Крест, который “польхает Христом”, излучает из себя, испускает Христа, как молнию.

Что особенного в этом видении? Вообще говоря, вся Третья кантика, вся ее световая геометрия составлена из видений (одновременно зрительных и слуховых), и каждое из них изумительно, начиная с жемчужного и влажного свечения в Небе Луны до “обманного” весеннего пейзажа в Эмпирее и затем — на его месте — “настоящего” необозримого амфитеатра Небесной Розы. Но здесь, в Четырнадцатой песни, впервые является такое видение, которое можно назвать прямой эпифанией. Данте видит Христа Мучеников — того Христа, которого излучает из себя звездный крест, составленный сонмом их душ (XIV, 95–126).

Это видение — первое в ряду богоявлений “Рая”; их не так много. Явление Христа как света в свете в Небе Неподвижных Звезд (XXIII, 31–45); явление Творца как Точки, заключающей в себе всё — точки, окруженной девятью ангельскими кругами, в Кристаллическом Небе (XXVII, 16–21); и, наконец, три завершающих видения последней Песни “Рая”: видение светового “узла”, Замысла или Промысла Божьего о

мире (XXXIII, 85–95); видение тройной сферы Троицы (XXXIII, 115–125) и видение человеческого образа в одном из ее кругов, то есть богочеловечества (XXXIII, 126–132).

Крест, излучающий Христа, который является Данте в небе мучеников и воинов за веру, остается для него необъясним, геометрически невообразим, — так же необъясним, как совпадение круга и человеческого образа в последнем видении Тридцать третьей песни. Сам Данте говорит, что подобия этому он найти не может. Комментаторы и исследователи тем не менее видят прообраз этого Креста, знамения славы (*signum gloriae*), на котором нет изображенной фигуры Распятого, но его присутствие ощущается с огромной силой, в равенской мозаике в апсиде Сант Аполинарио ин Классе. Об этом (как о многом другом) подробнее речь идет в построчных комментариях.

Отметим напоследок, что Данте, захваченный “мелодией Креста”, в которую соединяется пение множества душ, уже второй раз в “Раю” забывает о Беатриче. В чем он винится — и находит себя достойным прощения.

От центра к стенкам и от стенок к центру
кругами идет вода в округлой чаше,
снаружи ее толкнуть или изнутри: 3

в моем уме пронеслось
то, о чем я говорю, едва замолчала
славная жизнь Фомы, 6

из-за очевидного подобья
между его речью и речью Беатриче,
когда она вслед за ним так изволила начать: 9

“Ему необходимо — и он вам этого не выразил
ни голосом, ни даже мыслью —
дойти до корня еще одной правды. 12

Скажите: этот свет, которым расцветает
ваша сущность, он останется с вами
вечно таким, как он теперь? 15

И если да, скажите: после того,
как вы снова станете видимы,
как ваше зрение вытерпит его?” 18

Как, бывает, внезапной радостью

охваченные, люди в хороводе
запоют громче и зашагают шибче, 21

так при быстрой и учливой просьбе
святые круги явили новую радость
в своем круженье и пенье. 24

Кто скорбит на земле о том, что мы умрем,
чтобы жить здесь, тот не видел
этого утоления, этого вечного ливня. 27

Единого и Двух и Трех, Того, кто вечно живет
и царствует вечно — в трех и в двух и в едином,
Его, невместимого и всевещающего, 30

трижды воспел каждый
из этих духов — и для их напева
мало было бы любой хвалы. 33

И я услышал: в самом ясном свете
малого круга некий смиренный голос —
так, быть может, ангел обратился к Марии — 36

заговорил: “Сколько продлится праздник
рая, столько и наша любовь
будет излучать это одеянье. 39

Сила его сиянья отвечает рвению души;
рвение же — виденью, а оно таково,
какова благодать, восполняющая наши заслуги. 42

Когда же в прославленную и святую плоть
мы вновь облачимся, наше я
будет угоднее Богу, поскольку будет полней. 45

Ибо возрастет свет, по благодати
даруемый нам от высшего блага,
свет, который дает нам видеть свет; 48

и наше виденье будет расти,
будет расти рвенье, от него загораясь,
будет расти сиянье, происходящее из рвенья. 51

Но как уголь, испускающий пламя
и живым жаром его превосходящий,

так что он и в пламени остается виден; 54

так и сияние, нас окружая,
будет превзойдено в явлении нашей плоти,
которую ныне глухо покрывает земля: 57

но не ослепит он нас, этот свет,
ибо чувствам дана будет сила
воспринимать все, что приносит нам радость”. 60

И так, я видел, горячо и согласно
оба хора пропели: “Аминь!”,
что стало ясно, как они скупают по телу: 63

может, не ради себя, а ради мамы,
ради отца и ради всех, кого они любили,
прежде чем стали вечными огнями. 66

И вот отовсюду в ровном сиянье
новый свет является, охватывая эти,
как светающий горизонт перед восходом. 69

И как в ранней тьме, когда поднимается вечер,
в небесах возникают новые светила,
и взгляд их различает и не различает, 72

так, мне казалось, я начинаю видеть
новые души, составляющие круг,
окружающий два другие круга. 75

О истинное сверканье Святого Духа!
Так внезапно и ослепительно оно явилось,
что зрение, побежденное, не устояло. 78

Но Беатриче, улыбаясь, такой прекрасной
предстала мне, что среди этих видений
память моя захотела ее оставить. 81

И тогда глазам моим вернулась сила;
я поднял их и увидел, что мы перенесены
с госпожой моей к новому спасенью. 84

Я понял, что мы поднялись выше,
по раскаленной улыбке звезды,
которая казалась алее, чем прежде. 87

[241]

ИЛ 5/2019

так из светов, которые мне явились,
собиралась единая мелодия креста,
и захватила меня, хотя я не понимал песнопенья. 123

Но я различил, что это высокое славословье,
уловив “Воскресе” и “Победил еси”,
как тот, кто слушает и не понимает. 126

И я так влюбился в эти созвучья,
что ничто еще до этого мгновенья
не заключало меня в такие сладкие оковы. 129

Эти мои слова, быть может, слишком дерзки,
как будто я забыл о прекрасных глазах,
которыми все мои желания утолялись. 132

Но тот, кто вспомнит, что живые печати
всей красоты чем выше, тем становились сильнее
и что здесь я в них еще не посмотрел, 135

тот простит меня за то, в чем я винюсь,
чтобы получить прощенье, и увидит, что я не солгал
и что не забыл о святом наслажденье,

поскольку, восходя, оно становится чище. 139

Комментарии

1—3. *От центра к стенкам и от стенок к центру...* — Наблюдение над движением воды в круглом сосуде, которое обнаруживает определенную закономерность: концентрические круги идут от центра к окружности или точно так же в обратном направлении в зависимости от того, откуда эту жидкость приводят в движение.

Каждое из небес “Рая” устроено наподобие такой чаши или круглой ниши (см. дальше: “В глубине Марса”).

Образ концентрических кругов особенно уместен в Небе Солнца. Сцена действия здесь выглядит следующим образом: Беатриче и Данте стоят в центре, вокруг них с пением кружат мудрецы: сначала один круг, потом второй, и в конце этой песни появляется третий. Фома Аквинский в предыдущих песнях говорил из ближнего круга; теперь Беатриче заговорила из центра. Сходство их речей состоит не в их темах (они разные), а в том, что они в равной мере истинны. Эту их безупречность передает образ круга.

6. ...славная жизнь Фомы... — “Жизнь” здесь синоним “души”. В этом же значении Данте употребляет и философское *sustanza* (*substantia*), *сущность*. Душа, жизнь, сущность — та бесплотная бессмертная часть человека, с которой Данте встречается в “Раю”.

11. ...ни голосом, ни даже мыслью... — Святые собеседники Данте в “Раю” не нуждаются в словесном выражении его желаний или вопросов; они видят его мысли. Но Беатриче видит еще больше: она видит то, чего сам Данте еще не успел подумать, то есть “выразить мыслью”. Получается, что сама мысль — уже *выражение* чего-то, что появилось в уме до нее! Это что-то — сосредоточенность Данте на будущем воскресении во плоти.

12. ...дойти до корня еще одной правды... — В предыдущих песнях Фома уже разрешил два недоумения, возникшие у Данте при слушании его рассказа: о судьбе ордена доминиканцев (Песнь одиннадцатая) и о том, почему Царь Соломон назван мудрейшим из всех людей (Песнь тринадцатая).

13—14. ...этот свет, которым расцветает ваша сущность... — Сияние, которым окружены души: оно исходит изнутри, скрывает их — и одновременно открывает; оно выражает святость души и радость, как улыбка: так Каччагвида

chiuso e parvente del proprio riso —

скрыт и явлен собственной улыбкой (то есть сиянием, XVII, 36).

О природе этого сияния Данте услышит разъяснения в строках 40—42.

13—18. Беатриче задает два невысказанных Данте вопроса. Первый: вечно ли сохранится сияние душ в Раю? И второй: каким образом после телесного воскресения святые увидят друг друга сквозь это сияние, непроницаемое для человеческих глаз?

17. ...вы снова станете видимы... — То есть ваша плоть воскреснет.

23. ...явили новую радость... — Радость душам Рая приносит каждая возможность послужить кому-то, исполнить чью-то просьбу.

27. ...этого утоления, этого вечного ливня... — Тоска души в Библии традиционно (особенно в псалмах) связывается с физической жаждой и высохшей землей. Отсюда образы утоления жажды и обильного ливня. Общий смысл терцины: тот, кто на земле скорбит о неизбежности смерти, не знает о том, как жажда души утоляется в раю.

28. *Единого и Двух и Трех...* — Круги мудрецов поют славословие Троице, отзвук литургического латинского гимна. “Сына Твоего, Иже с Тобою живет и царствует со Духом Святым во веки веков”.

Пресвятая Троица — главная тема в Небе Солнца (X—XIV). Созерцанием Троицы в динамике предвечного рождения (Сына) и исхождения (Духа Святого) заняты мудрецы (XIV, 50—51).

Песнь Троице души Солнца начинают в предыдущей песне:

Тут воспевают не Вакха, не Аполлона,
но три Лица в природе Божества
и в одном из Лиц — божество и человечность (XIII, 25—27)

Число три и фигура круга — ключевые образы в рассказе о Небе Солнца.

34. ...*в самом ясном свете...* — Это, как известно из предыдущего рассказа, свет души царя Соломона, помещенный в первый, внутренний круг, состоящий из двенадцати мудрецов:

Пятый свет, самый прекрасный из нас,
дышит такой любовью, что весь мир
внизу жаждет известий о нем (X, 109—111).

Известий о том, спасен он или погиб. Данте извещает тех, кто сомневается: Царь Соломон спасен, он в кругу святых мудрецов в Небе Солнца. Больше того: именно ему (а не Фоме Аквинскому, к которому Беатриче обращается с вопросом) поручено возвестить тайну воскресения во плоти (вероятно, потому, что его почитают автором “Песни Песней”, которая — в толковании христианских экзегетов — воспевает соединение Бога и человека).

35. ...*некий смиренный голос...* — Голос Царя Соломона, мудрейшего из людей, по определению Фомы. Данте предполагает, что таким *смиренным* (*modesto*) был голос Архангела Гавриила, приветствующего Деву Марию.

36. ...*так, быть может, ангел обратился к Марии...* — Ангел — Архангел Гавриил. Тем самым речь царя Соломона уподобляется Благовещению. Воплощение Христа и общее воскресение во плоти всегда тесно связаны в мысли Данте. В отличие от евангельской песни Гавриила, речь Соломона построена со схоластической логичностью.

37—39. На первый вопрос Беатриче Соломон отвечает утвердительно: да, рай вечен — и так же вечно будет сияние, которым одеты души. Здесь души *расцветают* светом; в других местах “Рая” они, как шелкопряды, прядут себе световой кокон (VIII, 52—54) или прячутся в этом сиянье, как в гнезде (V, 124—125).

40—42. Соломон объясняет природу этого света и причину его разной силы у разных душ. Сила этого света (то есть святость души и ее радость) определяется жаром (рвением, ardore) любви к Богу, которую эта душа несет в себе; жар этой любви зависит от того, в какой мере эта душа видит (созерцает, познает) Бога и от этого знания воспламеняется любовью; меру же этого виденья определяет благодать, дарованная этой душе. А. М. Кьяваччи Леонарди приводит слова Бонавентуры, с подобной дантовской субординацией радости — любви — познания: “Они возрадуются в той мере, в какой возлюбят; возлюбят в той мере, в какой познают” (*Soliloquium*, IV, 5, 27). “Наши заслуги”, если их не восполняет благодать, сами по се-

бе недостаточны для познания Бога и, соответственно, обретения святости и радости, “одежды сияния”.

[246]
ил 5/2019

43–60. С этого стиха начинается удивительное утверждение о том, что после телесного воскресения человек будет еще дороже для Бога, поскольку он, наконец, станет цельным: таким, каким он был задуман и создан. Совершенная человеческая природа включает тело — в этом Данте следует Фоме Аквинскому (Сумма, III. Suppl. 93, 1). Тем самым свет благодати еще усилится и (тут в обратном порядке повторяется вышеизложенный закон о силе света, окружающем душу) возрастет сила сияния, окружающего человека. Теперь уже не его душу, но *всего* человека, в теле. Однако это сияние больше не будет непроницаемым для человеческого зрения: воскресшее прославленное тело будет обладать другими чувствами, то есть другими возможностями восприятия.

Но поразительнее всего здесь принадлежащее исключительно Данте утверждение: человек в своей душевно-телесной полноте будет еще ярче того света, который его окружает. О том, что человеческое тело в замысле было бессмертно, Данте уже говорил в Седьмой песни.

48. *...свет, который дает нам видеть свет...* — увидеть Божественный свет можно только благодаря другому свету, свету благодати: “Во свете Твоем узрим свет” (Пс. 35:10).

64–66. *...может, не ради себя, а ради мамы...* — Здесь не первый и не последний раз в “Комедии” появляется слово из детского языка — *мама* (per le mamme).

Удивительное — и нигде, кроме как у Данте, не предложенное — объяснение внутренней причины воскресения во плоти: души хотят такого воскресения не ради себя, а ради тех, кого они любили на земле! Это им, другим (*маме* в первую очередь) необходим телесный облик любимого человека; “*вечными огнями*” они не удовлетворятся.

70–78. Появляется новый свет (Данте сравнивает его и с первым светом утренней зари, и с появлением первых звезд ранним вечером). Это должен быть третий круг мудрецов. Но о душах, которые его составляют, мы ничего не узнаем от Данте. Третий круг, вероятно, решительно отличается от двух первых; он остается таинственным. Данте почти слепнет от этого нового сияния.

76. *О истинное сверканье Святого Духа!* — Точнее было бы: *искрение*, sfavillare. Святой Дух здесь как бы выбрасывает искры — души мудрецов. Мудрость — один из главных даров Святого Духа: первый из этих даров у пророка Исайи (“Дух Господень, дух премудрости и разума... Ис. 11:2) и у апостола Павла (“Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания”, 1 Кор. 12:8).

79. *Но Беатриче, улыбаясь, такой прекрасной...* — Данте поворачивается за помощью к Беатриче, как обычно. И она вновь возвращает ему силу зрения.

84. ...с госпожой моей к новому спасенью... — На новую ступень спасения, то есть на новые небеса: с Неба Солнца на Небо Марса.

86. ...по раскаленной улыбке звезды... — Улыбка здесь, как часто в “Рая”, означает свет. Свет в Небе Марса окрашен красным цветом. Это небо тех, кто отдал жизнь за Христа.

88–89. ...и на том наречье, которое одно во всех... — Это наречье — внутренние движения всего существа человека, без слов. Мы не можем передать по-русски созвучие итальянского favella (язык, наречие) — и favilla (искра), которое играет здесь, в теме огня-всесожжения.

89. ...я принес всеожжжение Богу... — В библейской жертве всеожжжения жертвенное животное сжигается целиком. Внутренняя молчаливая жертва всеожжжения Данте означает полное предание себя Господу. Тем самым он уподобляется душам, которые населяют Небо Марса: они целиком отдали себя Богу.

94–102. Новое световое видение — звезды, собранные в два луча, которые пересекаются и образуют крест, *святое знаменье*.

96. “О Гелиос, как же ты их украсил.” — Греческое helios, солнце (а также бог солнца) средневековые этимологи сближали с библейским именем Бога, El. Данте не раз именует христианского Бога именами античных языческих божеств (например, Юпитер, Аполлон), что было уже привычно для читателей его времени и ни о каком “двоеверии” или “неоязычестве” не говорило. Образ Бога-Творца как солнца, которое, по средневековым представлениям, одевает светом не только планеты, но и звезды, здесь, в световом ландшафте “Рая”, очень уместен.

99. *Млечный Путь, не разгаданный и мудрецами...* — Млечный Путь, Галактика, широкая полоса, белеющая в ночных небесах, состоящая из несчетного числа звезд разного размера и яркости; их число и природа по-разному трактовались у философов античности (см. об этом в “Пире”, Conv. II, XIV, 5).

102. ...разбивающее круг на квадраты... — То есть вписанный в круг равносторонний “греческий крест”, сгущ граеса

103. *И здесь моя память побеждает разум...* — Данте помнит это видение, но объяснить его себе не может.

Обыкновенно разрыв между умом и памятью у Данте описывается противоположным образом: он видит и познает нечто, чего его память не может сохранить.

104. ...ибо крест этот полыхал Христом... — Этот очень сильный образ с трудом поддается переводу: *quella croce lampeggiava Cristo* — испускал Христа, как свет, как молнию.

Видение ставит Данте в тупик (“*моя память побеждает разум*”) подобно тому, как в тупик ставит его совпадение человеческой фигуры с кругом в последнем видении “Рая” (XXXIII, 136–138). Здесь, по дантовскому описанию, перед нами Крест, на котором нет изображения

распятого Христа (как это было привычно на средневековых Распятых). В ослепительный световой образ Христа складывается сверканье многих подвижных огней — душ мучеников, которые движутся вдоль перекладин этого звездного Креста. Такое понимание *попыхал Христом* поддерживает последующее описание того, как звучания множества душ воинов за веру соединяются в единую *мелодию Креста*.

...попыхал Христом... — Имя Христа — Cristo — в “Комедии” рифмуется только с собой, повторяясь таким образом в конце трех строк из двух соседних терцин.

105. ...чему я не найду достойных подобий. — Тем не менее многие комментаторы находят подобие — или даже источник — этого удивительного дантовского образа, звездного креста, вписанного в круг и излучающего Христа. Они видят его источник в равенской мозаике: это центральное изображение в апсиде базилики Святого Аполлинария в Класе. В центре украшенного креста (sgose gemmata), помещенного в круг, заполненный звездами, в точке пересечения его перекладин помещен маленький медальон с ликом Христа. С такой отсылкой склонна согласиться и Анна Мария Кьяваччи Леонарди, вообще скептически относящаяся к поиску равенских мотивов у Данте. Сама эта фигура — крест в кругу в звездном небе (но без медальона) — встречается и в других равенских мозаиках; особенно впечатляет она на своде Мавзолея Галлы Плацидии. Крест Галлы кажется на самом деле ближе к этому дантовскому образу: звездный свод полон динамикой и крест как будто на глазах зрителя собирается из звездных кругов. Равенские мозаики всегда изображают Крест без фигуры Распятого: это *signum gloriae*, знамень победы, а не *signum passionis*, знамение Страстей, как это стало принято в позднейшие века. Нужно заметить, что все равенские Кресты (кроме того, что на своде Мавзолея Теодориха) — не греческие, а латинские, с удлинненной вертикальной перекладной. Крест такой формы не вписывается полностью в круг.

106. *Но тот, кто возьмет свой крест...* — Евангельская цитата (Мф. 16:24). Данте, так же как в строках 26–27 этой песни и во многих других местах “Рая”, обращается к будущему опыту читателя: “я не могу этого рассказать, но тот, кто сюда попадет, сам увидит...”

108. ...когда увидит: в белизне креста, как молния, блещет Христос. — Тот, кто целиком предаст себя Христу и потому окажется среди отдавших за Него жизнь в Небе Марса, сам увидит то, что я не в силах пересказать. Свет ассоциируется с белым, как молоко, цветом.

110–111. ...вспыхивали ярче, встречаясь или обгоняя друг друга. — Сила любви возрастает в душах при встрече с другими; движутся ли они в разных направлениях (и тогда встречаются) или в одном, но с разной скоростью (и тогда обгоняют).

112–117. Еще один, после движения воды в круглой чаше, наблюдаемый и обсуждаемый философами природный феномен:

беспорядочное движение частиц пыли в солнечном луче, проникающем сквозь щель в заслоне. Об “атмосферной пыли”, *pulveris minutias*, писали Демокрит (воспользовавшийся этим образом в своем учении об атомах), Аристотель, Лукреций, Лактанций.

118. *Жига* (*giga*) – струнный инструмент, о котором мало что известно. А. М. Кьяваччи Леонарди замечает, что в “Раю” Данте вспоминает по преимуществу струнные щипковые инструменты: райская музыка звучит *pizzicato*.

120. *...и для того, кто не разбирает нот...* – Возможны две версии понимания этого стиха: 1) и тому, кто не искушен в музыке (не знает нот), это звучание доставляет удовольствие 2) это звучание таково, что в нем трудно разобрать ноты, отдельные звуки.

125. *...уловив: “Воскресе” и “Победил еси”...* – Слова из пасхального песнопения, гимн Воскресению и победе Христа над смертью.

127. *И я так влюбился в эти созвучья...* – Данте заговорил на языке любовной лирики! Именно “влюбился” (*m’innamogava*) и “попал в силки”, как никогда прежде. Он очарован этим пением, как трубадур – своей Дамой.

130. *Эти мои слова, быть может, слишком дерзки...* – Еще бы! Данте признается, что до сих пор ничто (и Беатриче в том числе) не доставляло ему такого наслаждения. Он как будто изменяет ей с мелодией Креста. Уже второй раз в этой кантике Данте забывает о Беатриче ради другого впечатления (первый раз это было в Небе Солнца, X, 58–60).

133–134. *...живые печати всей красоты...* – Глаза Беатриче. Данте напоминает, что здесь, в Небе Марса, он еще не посмотрел на Беатриче и не видел ее новой, возросшей красоты. Поэтому его слова о том, что сильнее он до сих пор ничего не любил, правдивы – и одновременно достойны извинения.